

Время как будто исчезло или стало очень медленным. Такое ощущение бывает, когда смотришь на поверхность очень тихой реки. Течение заметно лишь по движению чего-то прилипшего к воде и не утонувшего в ней. Если бы не было этого объекта на поверхности, то можно было бы подумать, что передо мной озеро. Но время не может быть озером, застывшим в чаше дна и берегов. Такими же медленными были и мои мысли. Каждая следующая медленно-медленно вытекала из предыдущей мысли густым мёдом. Я не торопил их. Они просто текли.

«Если бы не было смены дня и ночи, невозможно ощутить время».

«Время непостижимо в своей беспричинности, безначальности, бесконечности, неизмеримости, неостановимости, неизбежности».

«Вопрос: из чего состоит время, куда оно уходит, из чего оно состоит?»

Я формулировал вопросы и медленно создавал ответы.

Вдруг я почувствовал за спиной какое-то неясное движение, тень движения, ритмичное колыхание воздуха, похожее на неспешные шаги. Но в пространстве на многие километры вокруг никого нет! Никого не должно было остаться. Взрыв уничтожил всех.

Где я сейчас, я не знаю и не пытаюсь понять. Это не имеет значения. Осознаю, что я есть, и всё. Мне кажется, что остался только я. Стеклянная пустыня и я.

Медленно, едва заметно поворачиваю голову. Где-то самом на краю зрения скорее ощущаю колыхание пространства, чем вижу. Всё-таки там что-то движется. Просто я не различаю, что это. Это мне не мешает. Безразличие.

Прислушиваюсь. Тишина. Беззвучие.

Удобно сижу в позе лотоса. Смотрю на линию горизонта, туда, где в единственной точке на безупречно ровной линии круга на триста шестьдесят градусов ощущается неровность в виде зазубрины или микроскопического конуса, повернутого вверх. Я заворожённо всматриваюсь на эту неровность. Эта неровность — само разнообразие. Возникает слабо ощутимое желание рассмотреть его вблизи.

Линия круга бесконечна, какой бы короткой она ни была. Бесконечность можно было отсчитать только по этой зазубрине на линии, как течение тихой реки заметить по листику или соринке на идеально гладкой и тихой поверхности воды.

Я представляю время как бесконечную прямую линию, без начала и без конца. Тогда неровность на линии — это место относительного отсчёта, это начало меры.

Познать бесконечность не в силе человека. Я же человек? В таком случае бесконечность будет представляться неподвижностью. Но время не может стоять. Может быть, неподвижность — тоже вариант бесконечности? Время остановилось? Нет, всё-таки время неостановимо и неосязаемо.

Время — это форма бесконечности.

Воспоминания о времени — это часы. В структуре времени часов не бывает.

Нужно обдумать.

У времени должна быть функция, и это воспоминание. Воспоминание — это то, что происходило в прошлом времени. У времени должно быть прошлое, настоящее и будущее.

Мне кажется, что время похоже на ручей, текущий только в одну сторону. У ручья есть начало — источник, ключ, бьющий из земли. Но вода в ключе имеет своё начало. Время наполняется событиями, течением и становится памятью.

Снова круг бесконечности замкнулся.

Мои мысли вдруг начинают фрагментироваться, разрываясь на элементы, образуя взвесь с броуновским

движением. Я сбиваюсь с логики рассуждений. Возникает хаос — деформирующий, скоротечный. Нужно замереть и отстраниться. Пусть всё уляжется, как муть в чистой воде.

— Ну что, как он?

— Абсолютная прострация.

— Пытались ли взять кровь?

— Игла не может проткнуть кожу. Гнётся!

— ???

— Решили дождаться профессора Вайнтрауба.

— А профессор Киссель что?

— Высказал сомнение, человек ли это вообще. Так что завтра ждём ещё и военных специалистов.

— Откуда этот... э-э-э... пациент вообще взялся?

— Говорят, из зоны.

— А вы знаете, что он фонит?

— То есть?

— Шесть и две десятых зиверта!¹

— Ну это же о-го-го! Он что, реактор?

— Кстати, вы заметили, что он чернеет?

— Пожалуй, да.

— Впрочем, и фон уменьшается чётко по экспоненте по мере нарастания черноты.

— Если такими темпами будет идти обесцвечивание в чёрное, то в абсолютно чёрное он перейдёт через девяносто два часа примерно.

В дверь без стука вошли четверо. Следом за ними вошла глава института, доктор Циля бен-Соломон Столовицкая, пропустив входящих вперёд.

Все находящиеся в кабинете дружно повернули лица в сторону вошедшей группы людей или делегации.

Ни вошедшие, ни присутствующие не поприветствовали друг друга. Все молча смотрели друг на друга, как будто ожидая команды.

Не успевшую затянуться тишину разорвала сразу вступившая доктор Столовицкая:

---

¹ 1 sv = 111,025 рентген.

— Господа, представляю вам членов, скажем, комиссии по исследованию необычного явления, казуса. Итак, справа налево. Профессор Авраам Вайнтрауб.

Вайнтрауб, высокий, под два метра, поджарый, с глубоко посаженными глазами, скупое кивнул лысеющей головой.

— Профессор Александр Бурштейн.

Профессор улыбнулся, энергично кивнул и тут же поправил рассыпавшуюся седую шевелюру.

— Профессор Авиноам Киссель.

Киссель выделялся из всей группы пришедших. Он едва заметно кивнул, его бурая борода с серебристыми нитками седины, доходящая до груди, и пейсы, свисающие на плечи, колыхнулись. Чёрная шляпа, такого же цвета лапсердак подчёркивали весь его благообразный вид раввина из хасидов.

— Специалист из Цахала Рехов Герцель.

Невысокий щуплый человек в чёрных очках, закрывающих пол-лица, подчёркивающих тонкий крючковатый нос, сделал короткий полушажок вперёд, обозначая так своё приветствие.

— Господа, представляю вам присутствующих сотрудников.

Циля бен-Соломон повернулась вполоборота к присутствующим. Все находящиеся в кабинете встали, кроме одного человека, отличающегося холмоподобной, очень объёмной фигурой, — он только обозначил вставание качком верхней части тела вперёд.

— Доктор Шауль Бялик — радиологическая диагностика.

Шауль Бялик коротко кивнул круглой, стриженной наголо головой, как человек, знающий себе цену.

— Вольдемар Носик — специалист по соматике.

Изящный Вольдемар так же изящно кивнул и пристально посмотрел на Вайнтрауба, как будто вспоминая, где же он уже встречал его.

— Вольфрам Гандельман — специалист по психологии.

Грузный Гандельман снова качнулся вперёд в угрожающе скрипнувшем кресле, представляясь вошедшим.

— Вы присаживайтесь, — вновь обратилась Столовицкая к присутствующим, — разговор не короткий.

Вошедшие расселись в свободные кресла, образовав небольшой амфитеатр вокруг командующей бен-Столовицкой. Причём гости расположились по правую руку, а присутствующие — по левую от неё.

Циля бен-Соломон внимательно осмотрелась ещё раз и потёрла руки.

Все ощутили, что Циля бен-Соломон Столовицкая обладает очень большой властью, большей, чем они вместе взятые, даже, может быть, большей, чем человек из Цахала или Моссада.

— Коллеги, — заговорила доктор Столовицкая, чуть повысив голос, — доведу до вашего сведения: всё, о чём мы здесь будем говорить, имеет крайнюю степень конфиденциальности, то есть носит гриф «Совершенно секретно», — и внимательно обвела всех взглядом.

Никто не шелохнулся.

— Ну что, уважаемые коллеги, теперь приступим к обмену мнениями. Все осведомлены в компетентности, м-м-мда, друг друга как членов комиссии.

Медленным колесом механизма башенных часов двигалась воспоминания. В памяти разноцветными пазлами мелькали фрагменты прошедших событий, которые никак не складывались в единый рисунок.

Натужно вспоминаю: что произошло какое-то время назад, перед тем как наступил покой? Вдруг всплыли возникший ниоткуда жар и красная мгла... Сосредотачиваюсь на фрагменте боли. Вспомнил всепоглощающую жгучую боль. Вспомнил, как лежал на горячем, спёкшемся в стекло песке. Не смог вспомнить, как долго я находился в позе трупа. Красная мгла трижды сменилась чёрной мглой, которую я ощущал через закрытые веки. Пытался вспомнить, когда последний раз ел или пил. Не вспомнил. Похоже, что боль выела часть воспоминаний.

Хватило сил осознать только, что я есть, и дышать. Я медленно, очень медленно вдыхал и выдыхал. Затем вдруг пришли мысли, захватившие мой разум: «Что такое время? Что такое бесконечность?» Я на этом сосредоточился, и вместе с вопросами пришёл покой. Боль тоже стала отступать.

Циля бен-Соломон встала у небольшой трибуны. Её профиль буквально источал волю и властность. Они были буквально высечены в положении губ и бровей, носа, подбородка, светились в пронзительном взгляде. Все замерли.

— Пожалуйста, вопросы.

Она кивнула в сторону несколько ближе сидящих к ней гостей. Стало понятно, что она здесь и дирижёр, и режиссёр.

Первым вопрос задал вопрос человек из Цахала, с ноткой напористого раздражения:

— Как давно объект у вас, и почему мы узнаём о нём только сейчас?

— Объект у нас три полные недели, — язвительным тоном заметила Циля бен-Соломон. — Это ваша служба проворонила. Он нам интересен как биологический объект, вышедший из зоны живым. Тем более он не пытался бежать, абсолютно лоялен и остаётся таковым до сих пор.

— Но как он остался жив? В зоне гибнет всё! — встрепенулся профессор Вайнтрауб.

— Для нас это тоже пока загадка, — начала Столовицкая. — Я знаю не больше вашего. После инцидента зона была оцеплена и блокирована. При обследовании пространства зоны с помощью дронов на третий день заметили медленное движение от эпицентра. Сначала это сочли артефактом, что-то гонимое ветерком, и даже дефектом в работе сканеров или механизмом. Однако при повторных исследованиях установили, что объект движется независимо от атмосферных явлений и от направления ветра тоже. При этом он перемещался, выдерживая линию прямого движения строго прямо по радиусу, что ещё раз напоминало скорее механизм, чем живое существо. В течение первых двух часов объект преодолел десять километров, то есть он двигался со скоростью неспешно идущего пешехода. При анализе фотографий объект верифицирован как человек. Это нас поразило. Мы сосредоточились на его встрече.

Вдруг дверь открылась, в кабинет вошёл явно лаборант, в слегка помятом синем халате и такой же шапочке, сдвинутой набекрень. Все дружно повернулись к нему. На лицах некоторых отразилось хорошо читаемое недоумение.

— Извините, — сказал лаборант вместо приветствия, обращаясь только к Столовицкой.

Циля бен-Соломон повернулась к нему и кивнула.

Вошедший поправил шапочку и продолжил:

— Шеф, как вы и просили — докладывать срочно обо всех внезапных изменениях. Объект стал абсолютно чёрным. Радиационный фон стал ниже фонового и приблизился к нулю. Бесконтактный энцефалограф фиксирует только альфа-ритм. Поверхность его тела стерильна. Всё.

— Спасибо, Вадим, иди.

Столовицкая задумалась, сделала паузу и сказала, не обращаясь ни к кому:

— Это абсолютная энтропия, абсолютный порядок, это похоже на завершённое превращение.

В аудитории на мгновение возник шумок голосов и восклицаний.

Циля бен-Соломон подняла и опустила правую руку, призывая жестом к тишине.

— Теперь прошу обменяться мнениями.

Первым поднял руку Шауль Бялик.

— Теперь объект безопасен. Без сомнения. Радиационный фон снизился с шести с лишним зивертов, по сути, ниже фонового. Механизм этого феномена только теоретический. Энергия излучения замкнулась на себе. Закольцевалась. Парадокс, — заключил доктор Бялик. — Как чёрная дыра. Ограниченный локальный горизонт событий.

— Можно? — поднял руку Вольдемар Носик. — Объект должен был сгореть в первые же секунды от начала инцидента или далее скоротечно погибнуть от радиационной болезни. На примере Хиросимы могу сказать, что все, кто оказался в подобной ситуации, умерли в муках в течение часов или дней. Выскажу предположение, что это не совсем человек. Он ничего не ел, не пил и не выделял в течение всего срока наблюдения. От обезвоживания он тоже должен был быть уже мёртвым и высушенным, как египетская мумия.

Вдруг сильно заскрипело кресло. Все повернулись на звук, ожидая треск его разрушения.

Заговорил Вольфрам Гандельман, не спрашивая разрешения. Его голос был низким, гудящим, трубным. Будто слон заговорил человеческим языком.

— Объект ни разу не проявил агрессии, и мы не имеем права ограничивать его свободу. Он ни разу не проявил недовольства. Не произнёс ни одного слова. Не было замечено ни одного жеста, выражающего хоть какие-то чувства. Как феномен, он должен быть исследован и обследован, но желательно — с его согласия. Поведение объекта легко укладывается в понятие «медитация». Он всё время находится в классической позе лотоса, идеальной медитативной позе. Он, конечно, в своём праве.

Я вспомнил.

Это был давняя беседа с ламой Жимитдоржи. Его лицо было непроницательным, как всегда, и коричневым от загара, зрачки сливались с чернотой радужки, глаза прятались в щёлочках монгольских век.

— Сопоставь себя с тем, что находится сейчас вокруг тебя. Отождестви себя с окружающей средой, стань ею, слейся с ней. Ты перейдёшь в другую реальность. Ты сейчас привязан ко всему, что тебя окружает с самого рождения. Не перерезав пуповину — не оторвёшься от матери. Ты боишься потерять питание. Привязанности держат нас, как канаты. Ты страшишься стать самим собой. В некотором смысле это так и есть. Ты привязан к своему физическому телу. Но оно всё равно когда-нибудь разрушится, распадётся на части, превратится в прах. Его молекулы не исчезнут, они рассеются и перейдут в другие сущности. Твоя истинная сущность перейдёт в другое измерение и непременно воплотится, как только избавится от печатей и впечатлений твоей теперешней жизни. От привязанностей любого типа. Ты исчезнешь и останешься одновременно самим собой и сущностью совершенно иного порядка. Назови это улыбкой Будды. Ты же воспринимаешь Его улыбку. Она есть. Улыбка тоже сущность. Ею тоже можно стать.

Жимитдоржи улыбался, глядя мне в глаза, как будто передавая Его улыбку мне, прямо в моё сознание.

— Мы пытались провести скарификацию кожи, чтобы взять эпителий на исследование генотипа и прочее. Это оказалось невозможным сделать! Во-первых, он очень гладкий. Коэффициент скольжения практически равен ста процентам, то есть трение равно нулю. Прямо-таки находка для трибологов². Попытка укола, то есть прямого точечного давления, а именно — сделать прокол, оказалась невозможна ввиду твёрдости его кожи, или, скорее, поверхности. Его цвет говорит о том, что он истинный псиломелан³, — продолжил говорить Вольдемар Носик.

— А если сильнее надавить? Пробовали? — последовал вопрос от профессора Александра Бурштейна.

— Пробовали, конечно. Кроме сверления и стрельбы, разумеется. Всё безуспешно, — ответил Носик.

— И всё же как он попал в зону инцидента? — несколько растягивая слова, не обращая ни к кому, снова спросил профессор Бурштейн.

— Мы проследили все движения, происходившие в течение десяти суток до инцидента, с тех пор как он прибыл в мединат. В радиусе пятидесяти километров от эпицентра накануне инцидента не происходило ничего экстраординарного. Всё как обычно — дикие животные, не признающие границ и ограничений, заблудившийся скот, бедуины, блуждающие в поиске скота, но это скорее обыденность. Особую группу нарушителей зоны составляют редкие экземпляры экстремалов, пытающихся пересечь Негев. Когда их останавливают, они всегда говорят одно и то же: «Заблудился». Этот, скорее всего, тоже попал в зону как экстремал-путешественник. Тем не менее и для нас загадка: как он прошёл? Если только он стал невидимым, — ответил, обращаясь ко всем, Рехов Герцель.

— Удалось ли установить хоть предположительно, кто он, этот прошедший в зону? — снова спросил профессор Бурштейн.

— По предварительным данным, это мог быть один из отдыхающих туристов из России. Въехал в Эйлат как обычный турист, и всё, — ответила Циля бен-Соломон.

---

² Трибологи — изучают трение.

³ Псиломелан — голый, гладкий и чёрный.

— То есть? — вставил очередной вопрос Бурштейн.

— Если человек ничего не нарушает, то и не привлекает внимания. По крайней мере, в поле зрения миштар ни разу не попал. По камерам слежения не зафиксировано ничего подозрительного, даже мимо урн бумажек не бросал. По своим каналам мы выяснили, что подозреваемый, или объект — будем его называть так, не имел никаких отношений к спецслужбам или к криминалу, — продолжила отвечать Циля бен-Соломон.

Руку поднял профессор Авиноам Киссель.

— Госпожа Столовицкая, вы разговаривали с ним? Это первое. И второе: будет ли мне позволено пообщаться с объектом?

— Уважаемый профессор, с таким же успехом можно общаться с камнями в Стене Плача.

— Тем не менее. Очень хотелось бы.

— Хорошо, уважаемый профессор, — сухо ответила Столовицкая. — А сейчас объявляю короткий перерыв, затем продолжим обсуждение. Господа, а сейчас сотрудники проводят вас к объекту, и профессор Киссель сделает попытку, — с нотками сарказма завершила Циля бен-Соломон.

Авиноам Киссель последовал за Цилей бен-Соломон, чему-то улыбаясь в бороду, за ним пристроилась и остальная делегация, которую замыкал Рехов Герцель.

Профессор Киссель пристально всматривался в чёрную фигуру человека, сидящего на кушетке-лежанке, застеленной одноразовой белой простыней. Такими же белыми были пол, потолок и стены, кроме одной, односторонне прозрачной и зеркальной изнутри, за которой и сосредоточилась вся делегация. Контраст чёрного тела и белого буквально рассекал пространство.

Совершенно чёрный человек, будто выточенный из матового эбенового дерева, неподвижно сидел в позе лотоса, и она была безупречна. Кисти рук покоились на коленях ладонями вверх. Большой и средний пальцы сомкнуты в кольцо. Губы сложены в едва заметную улыбку.

Авиноам Киссель очень хотел приблизиться вплотную к нему, ему хотелось взглянуть в невидимые из-за стекла,

сливающиеся с чёрными склерами зрачки. Профессор прислушался к себе. «Это Он, — мысленно сказал он себе, покачал головой и добавил: — То да аль коль ма ше натата».

Странность профессора была ещё в том, что, имея очень проницательный ум аналитика, он исповедовал эмуру⁴.

Затем постоял с минутой и сказал вслух:

— Интересно. Абсолютный псиломелан. Его невозможно изучить. Он однозначно частное проявление Яхвэх. Если он сейчас встанет и уйдёт, то даже не заметит нас. Да и вообще, вряд ли он замечает нас сейчас, как, например, слон муравья, которому даже если залезешь в нос, — профессор хмыкнул, — чихнёт — и только-то. Его нужно отпустить. Он непостижим.

Профессор сделал почтительный полупоклон в сторону объекта, повернулся и удалился, не оглянувшись.

Все снова заняли свои места напротив Цили бен-Соломон. Она легонько постучала пальцами по трибунке, привлекая к себе внимание и прерывая тихие переговоры присутствующих:

— Господа, давайте продолжим.

— Если суммировать очевидное, то это воплощение тримурти⁵, — не спрашивая разрешения, первым заговорил Вольдемар Носик. — Разрушение, творение, сохранение. Очень похоже на это.

Все дружно посмотрели в сторону Вольдемара Носика. На что он сделал невозмутимый вид и добавил:

— Это индуизм.

— Я повторяюсь, но его нужно отпустить. Он непостижим. Да и вряд ли мы сможем его удержать. Он ведёт себя так, как будто действительно нас нет, — добавил профессор Киссель.

Снова поднял руку РеховГерцель.

— Господа, позвольте, я продолжу. По нашим каналам мы выяснили личность человека, вошедшего в зону. Это Перунов Ратибор Юсубович. Тридцать восемь лет. Не женат. Инженер-строитель. С ФСБ России не связан.

— Юсубович... Мусульманин? — вставил вопрос Носик.

---

⁴ Эмура — фанатичная вера в Бога без попыток проникнуть в смысл таинств.

⁵ Тримурти — творец-хранитель-разрушитель.

— Нет, — продолжил РеховГерцель. — Его религиозные пристрастия относятся к восточноазиатским. Он буддист. Принял посвящение в Иволгинском дацане.

— Том самом? — снова возник голос Носика.

— Что вы имеете в виду? — вскинул брови домиком Герцель над только что надетыми очками.

— Имею в виду, что это центр буддизма в России, и там находится лама Итигэлов, — высказал осведомлённость Носик.

Рехов Герцель внимательно посмотрел через стёкла очков на Вольдемара Носика и резко ответил:

— Это к делу не относится, — и далее заключил: — Таким образом, объект не может быть опасен для Мединат Израэль.

— Вы обратили внимание? Он не отбрасывает тени. Следовательно, для света он абсолютно прозрачен или как будто его нет. При этом — вы заметили? — он чёрен: абсолютный псиломелан. Кстати, на такой идеально гладкой поверхности нет отражения. А должно быть. Это противоречит всем канонам физики, — добавил Шауль Бялик и обвёл взглядом всех присутствующих. — Возможно, это экстинкция⁶, — уже замедленно-задумчиво добавил уже своим мыслям Бялик.

Вдруг в комнату буквально влетел лаборант Вадим, запыхавшийся, взъерошенный, в сбитой набок шапочке.

— Циля Соломоновна! Он стекает! — громко выдал на русском языке Вадим, обведя осоловелым взором присутствующих.

— Успокойся, Вадим! — Циля бен-Соломон подняла руку в успокаивающем жесте. — Рассказывай по порядку.

Вадим глубоко вздохнул, поддавшись гипнотическому жесту Циля Соломоновны, и заговорил ровным голосом:

— Извините. Я, вы знаете, веду непрерывный визуальный контроль и мониторинг объекта. Он был, как всегда, неподвижен и улыбался. И вдруг он потёк! Буквально. При этом бóльшая часть его объёма, как будто фартук, начала

---

⁶ Экстинкция — гашение.

свешиваться к полу через край кушетки. Он стал очень медленно, как очень густой мёд, весь стекать вниз, на пол. Всё сопровождается уменьшением в росте. Кстати, всё подробно снято на видео.

Все дружно повернули головы к экрану. Под Гандельманом снова угрожающе закрипело кресло, но разрушения сидища не последовало. На экране возникла статичная картина комнаты с чёткими линиями углов кушетки, яркими пятнами потолочных светильников, чёрными и блестящими зрачками камер слежения.

На кушетке, где в позе лотоса должен был сидеть объект, НИКОГО НЕ БЫЛО!

По конференц-залу пролетел шорох голосов, главной интонацией которого был звук «Ах!».

Первой отреагировала Циля бен-Соломон.

— Отмотай к началу замеченной тобой метаморфозы! — махнула правой рукой в сторону экрана.

Мысль на этот раз была быстрой. Я принял решение.

«Мне нужна эктопия. Сначала изменю форму, нужно растечься и дотянуться до зазубрины. Понять: что это?»

Я устремился к той метке на горизонте круга, растянувшись в нить толщиной в одну молекулу, разгоняясь до тахионной⁷ скорости. Я не боялся разорваться, ничто не могло помешать мне в этой пустоте.

Я сразу понял, что это была Она.

Она выглядела бесстрастно.

Я спросил разрешения приблизиться.

— Хорошо, но не слишком близко, мы можем слиться.

— И что тогда?

— Ты и Я исчезнем.

— Понял.

Она молчала. Она была абсолютно белой. Сияющей. Чистой.

— Ты боишься этого?

— Нет, не боюсь. Я жду этого.

---

⁷ Тахион — превышает скорость света в вакууме.

— Давно?

— Кажется, половину вечности.

— Это долго?

— Наверное.

— Ты скучала здесь?

— Нет.

— Что делала всё это время?

— Ждала.

— А если бы я не пришёл?

— Свойство вероятности в том, что чему быть суждено — непременно случится. Оно случилось.

Мне показалось, что она всё время улыбается, разговаривая со мной.

— Ты готова?

— А ты?

— Да, готов.

— Хочу тебя спросить, если сможешь — ответь. Как ты здесь оказалась?

— Меня сожгли живой.

Они начали сближаться, предвещая мадонию⁸ и неогению⁹.

На самом краю Вселенной закрутился вихрь. Они одновременно вращались друг против друга, чёрное и белое, соприкасаясь, обозначая в центре воронку чёрного цвета. Они кружились, втягивая в себя одинокие молекулы, рассеянные в пространстве фотоны, свет исчезнувших звёзд, межзвёздную пыль...

---

⁸ Мадония — песня, переходящая в дуэт.

⁹ Неогения — новорождение.